

УДК 930.85:130.3(История цивилизации. История культуры. Метафизика духовной жизни)

РЕЛИГИОЗНЫЕ ОБЫЧАИ В НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЕ В УСЛОВИЯХ СОВЕТСКОЙ СЕКУЛЯРИЗАЦИИ

© 2019 Д.А. Цыплаков¹, С.М. Цыплакова²

*Цыплаков Дмитрий Анатольевич, кандидат философских наук, доцент, преподаватель. E-mail: tsypl@ngs.ru
Цыплакова Светлана Михайловна, кандидат культурологии, доцент кафедры библиотечного дела и социально-культурной деятельности. E-mail: nikitinats@yandex.ru*

¹Новосибирская православная духовная семинария. Новосибирск, Россия

²Новосибирский государственный педагогический университет. Новосибирск, Россия

Статья поступила в редакцию 16.01.2019

Контемпоральность отечественного общества в разрезе религиозной культуры явилась следствием советской секуляризации. Тем не менее, диахронически религия оставалась и остается элементом структуры пространства народных традиций. Принятие во внимание обозначенного аспекта является неизбежным при экспликации культурных паттернов в религиозных, социологических и исторических исследовательских работах. В настоящей работе показывается как традиционные религиозные обычаи и традиции бытовали в пространстве имманентной рамки секулярной советской культуры преимущественно в сельской местности (Белоруссия и Самарская область). В публикации рассматриваются структуры жизненного мира советских людей, на базе анализа биографий. Важным пунктом новейшей истории нашей страны стал возврат религии в жизненный мир общества. При этом традиционные религии в этом возврате опирались на народные обычаи и традиции, сохранившиеся в период советской секуляризации.

Ключевые слова: религия, секуляризация, народные обычаи и традиции.

Культура широких масс народа представляет собой определяющий пласт, базис культуры общества в целом. А она в широком ее понимании есть все, что сознательно передается народом из поколения в поколение. В этом аспекте культура образует базу общества, социума в его отличительных от природы (природы) чертах. Человечество, в результате, формируется как производное от культурного развития, продуцируется культурой, которая в ее самых «античных», фундаментальных инвариантах становится народным наследием.

Широкая культура народа включает в себя самые устойчивые и консервативные, неизменные компоненты культуры, в ней сохраняются и оберегаются ценные значимые инварианты общества, а потому она является социально-формирующим элементом, без которого возможна дезинтеграция всего социума. В пространство ценностных доминант несомненно входят и ценности связанные с верой, с религией. Они являются одной из базовых компонент жизненного мира индивидуумов. Исследование этого компонента становится актуальным для культурологии, социологии и гуманитарного знания. Как указывали многие социальные мыслители, религия в ее

широком понимании лежит в духовных основах общества. Позволим себе процитировать известного русского философа, который считал, что изучение общества должно «с самого начала исходить из религиозного убеждения (подтверждаемого историческим опытом и углубленным рассмотрением общественной жизни), что есть вечные, вытекающие из существа человека и общества закономерности, которые человек хотя и может нарушить, но которые он не может нарушать безнаказанно и которые поэтому определяют истинную цель его стремлений. Человек не есть своевольный хозяин своей жизни; он есть свободный исполнитель высших велений, которые вместе с тем суть вечные условия его жизни» [5, с. 35].

Поэтому, жизненный мир индивида, как элемента общества формируется и религиозными аспектами, и культура народа во все времена включала в себя духовные ценности, вбирала их в себя как базовый инвариант.

Несмотря на таковую роль духовных ценностей, они претерпели трансформацию советский период. Советская послереволюционная секуляризация проводилась не только в юридическом, но и ценностно-культурном аспекте. Термин се-

куляризация нами понимается здесь как «процесс обмирщения, возникновения светского общества» [4, с. 204]. Цель секуляризации в советский период (проводившаяся уже не как капиталистическая, а как рабоче-крестьянская) предполагала совершенное исчезновение веры в общественной сфере. Так, в 1918 г. был сформирован 8-й отдел Народного комиссариата юстиции для проведения в жизнь распоряжений Совета Народных Комиссаров по отделению Церкви от государства (т. наз. «ликвидационный»). Изгнание религиозных ценностей велось с помощью прямых директив и даже репрессий, в том числе через лишение свободы и даже расстрелы активных верующих, в особенности «служителей культа» с целью продуцирования секулярного общества, в котором инварианты традиционных религий в жизненном мире должны были быть замещены атеистическим мировоззрением. Жизненный мир религиозных людей противоречил «пространству имманентной рамки» (термин Ч. Тейлора). Имманентная рамка (*immanent frame*) — понятие Ч. Тейлора, введенное им для того, чтобы дескриптивировать секулярное социальное пространство в которое помещен индивидуум (*the buffered identity of the disciplined individual moves in a constructed social space, where instrumental rationality is a key value, and time is pervasively secular. All of this makes up what I want to call «the immanent frame»*) [8, с. 543].

В результате религиозные люди были несовместимы с образующимся пространством имманентной рамки, секулярного социального пространства, необходимого для социализма и коммунизма. В современности, рассматривая итоги этого грандиозного общественного проекта по элиминации веры из общества, возможно, сделать вывод, что он так и не был реализован. В частности церковные обычаи и традиции оставались одним из составных элементов обычаев и традиций, в особенности в сельской местности и в светский «советский» период. Между этих обычаев и традиций были такие православные торжества как Пасха и Рождество.

Это главные праздники православного календаря, ставшие главными и в народном календаре. Правила, определявшие празднование Рождества и Пасхи были закреплены в VI в. н.э. Для Рождества это 25 декабря по юлианскому календарю, общепринятому тогда в областях, где исторически распространялось христианство в то время. В этот день народы римской ойкумены праздновали так называемый «День солнца», когда начинала прибавляться светлая часть суток. Отцы церкви использовали этот праздник,

совпадавший с примерной расчетной датой рождения Иисуса Христа, прославляя Христа как «Солнце правды». В связи с переходом на секулярный для России григорианский календарный стиль возник вопрос о праздновании Рождества. В связи с тем, что Церковь сохранила старый стиль в богослужебном календаре в сознании народа этот праздник стал ассоциироваться с 7-м января. Хотя в церковном календаре эта дата по-прежнему обозначена как 25 декабря старого (юлианского) стиля. Пасхальные даты были зафиксированы к 1-му Вселенскому собору 325 г. н.э. По правилам Пасху отмечают в первое воскресенье с наступлением полнолуния в день или сразу же после весеннего равноденствия, вычисляемого по математическим таблицам, составленным в александрийских обсерваториях III – IV вв. н.э. Таким образом, православная Пасха оказалась независимой от непосредственных астрономических наблюдений, что сыграло свою роль в период советских гонений на религию. За века празднования Пасхи были сформированы мнемонически способы вычисления этой даты. В частности по структурам ладоней, названных в народе образно «вруцелето». По нашим опросам в деревнях и селах в советский период, когда в календарях не печаталась дата Пасхи, церковные книги были уничтожены, не было храмов, но оставались знатоки, которые вычисляли дату Пасхи таким сложным способом самостоятельно.

К праздникам и традициям в той или иной мере сохранявшим религиозный характер и наблюдавшимся в советское время можно отнести Масленицу (связанную с началом Великого Поста) и «родительские дни» – дни поминок по усопшим.

Религиозные обычаи и традиции сохраняли многие народы и народности многонациональной России. Белорусы и украинцы в целом хранили религиозные обычаи и традиции аналогичные русским с некоторыми терминологическими особенностями. Так, святки (дни после Рождества) назывались по-украински «коляды», родительские дни в Белоруссии имели название «дзяды», а Пасху называли также «Вялікдзень».

Для потомков немецких колонистов в России религиозные праздники также сохраняли свое значение. Долгое время в их среде сохраняли свое значение обряды и ритуалы, связанные с крещениями, свадьбами. Рождественский цикл предварялся Адвентом, «святым ужином» на Рождество, обрядом подарков «Кристкиндр», цикл заканчивался праздником «трех королей». Пасха называлась «Остерн» и отмечалась, по западному календарю, как и Рождество.

Среди народов России, традиционно исповадовавших ислам, были также распространены традиции и обычаи, носившие религиозный характер. И если соблюдение уразы (поста) не было распространено, то Ураза-байрам (разговение), а также праздник Курбан-байрам (связанный с окончанием хаджа) традиционно отмечались среди татар и башкир России. Такие традиционные праздники как «сабантуй» и «наурыз» имели широкое распространение, но являлись чисто народными обычаями тюркских племен, не связанными напрямую с исламом. Необходимо также отметить, что праздники башкир и татар, связанные с исламом праздновались также по исламскому лунному календарю, а не по общегражданскому. Что показывает глубинный характер народной памяти в традиционной культуре.

Подкрепляя вышесказанное для раскрытия темы работы, мы опираемся на материалы опросов преимущественно выходцев из сельских районов, собранных в форме биографических рассказов, собранных в полу структурированных интервью. Чем вызвано обращение к данным нарративам? Биография человека определена его жизненным опытом и характеризует его жизненный мир. В этом аспекте собранный материал является уникальным. Компоновка в обобщении всех специфических черт будет подтверждать те характерные особенности, которые могут стать фундаментом генерализующей типизации. Одним словом, если элементы этих интервью являются схожими для многих биографий, то это позволит обобщить собранный материал и фундаментально вывести.

Анализируя жизнь людей, протекавшую в советскую эпоху, мы постараемся эксплицировать историю жизни в аспекте того, каким образом проходила их интеракция с религией, и в определенном смысле «религиозным» в те годы. Несколько натянуто и с некоторыми условностями упрощенно обозначим нашу небольшую выборку «сельскими жителями», исходя из пространственного аспекта их проживания, особенно в детстве и юности. Релевантность использования качественных методов для изучения жизненного мира религиозных людей показывал К.С. Дивисенко, методологию которого мы далее применим [1, с. 98].

Поместим далее фрагменты биографии респондента (1939 г. р.) о том, как отмечали Рождественский цикл в белорусской деревни Бозок, Осиповичского района, Могилевской области

(особенности произношения респондента по возможности сохранены при расшифровке).

— Значит у вас в деревне колядовали, да?

— Да, я цыганкой была, колядовала, цыган у меня был и цыганята, молодежь вся, школьники. Ходили по хатам колядовали. Я гадала, цыган менял кони, шуткой такой все. Нам давали булочки, пироги. Целые мешки наколядовали помню.

— Ну, я почему-то была цыганкой. Не знаю почему, приставала к людям гадала всем, что-то говорила. Веселились. А пели колядки. Первым голосом, высоким я пела. Без меня никто ни мог петь. На улицах собирались молодежь и все ночь поем.

— А на Пасху какие песни пели?

— Разные, тоже пели. Я запомнила Пасху. Меня бабушка водила в церковь к всенощной за 12 км. Это было очень радостно.

— А яйца красили?

— Да красили. У битки играли. Мужики навыходят на улицу, и у битки, чье яйцо крепкое выбирают, у кого побьют яйцо, забирают. Веселились люди тогда.

— Куличи пекли?

— Конечно, мама столько куличей пекла и сыр делала, масло делала. Справляли Пасху.

— Освящали куличи и яйца?

— Да, это мое дело было освящать.

— Ходили в церковь?

— Не в церковь, батюшка приезжал у Вязовницу, другую деревню и мы со всех деревень вокруг шли с узелочками, в основном дети, расстилали на улицы свои салфеточки и ложили еду. А батюшка ходил освящал. Это мое дело было освящать Пасху.

А на Миколу (св. Николай) церковь у нас была в деревне, маленькая на кладбище. На Миколу у нас был праздник, мама готовилась, все люди готовились. Кирмаш был. Приходили гости с других деревень, родня съезжалась. Много народу, танцы были потом. И вот наша детская была работа храм вымыть. Ходили в храм мыли полы, убирали, потому что батюшка придет.

— Это после войны все было.

— Да, после войны.

— Я во время войны совсем маленькая была. Во время войны ничего не было. Там только немцы орудовали. Бабка говорит, что деревню спалили, людей побили. У нас все деревню спалили, только одна хата осталась, почему то и колхозный сарай. 750 человек спалили.

— А после войны вы на Пасху на кладбище ходили.

— На могилки. Нет не на Пасху. В какой— то день..., в четверг.

— На радоницу, дяды были.

— У нас в четверг был такой порядок. Пасха, Вяликодзень, у воскресенья, а потом Пасха мертвых. Батюшка приезжал с певчими, освящал могилки ходил. А батюшка был наш свят. Мой двоюродный брат на его дочке был женат. К нам

в гости приезжал. Домой ехали на конях, на подводах, машин тогда было мало.

— А на Пасху друг к другу ходили в гости.

— Да, на Пасху, ой! Яйца покрасят. На вулице гуляли у битки. Помню, папа навывбирает яйца покрепче. Дети себе играли, мужики себе.

— Запрещали Пасху праздновать?

— Нет не гоняли. У нас никто не гонял никого в деревне.

— И в школе?

— Нет, в школе нас ругали, как только приходили в школу нас помещали в стенгазету.

— Помню ходили жабровать (колядовать).

— Пошли по хатам колядки гулять, жабраваць называлась.

— Надо были во все хаты зайти. К кому не зайдеш, так обижаются.

— И вот помню, приходим мы в школу после праздника. А в школе на нас стали кричать «цыганы, цыганы»!

— Дразнили?

— Да.

— А потом выпустили стенгазету и нас пропесочили, как мы ходим по хатам.

— Деревня Вязовница считалась культурная. Они не колядовали, там и школа была. А мы праздники отмечали по-старинному. Как я пела, в другой деревне слышно было.

— Народные песни?

— Да народные.

— Церковные песни пели?

— Церковные почти не пели. Бабушка меня научили молитве «Отче наш», «Богородице Дево радуйся». С бабушкой молилась. А так в деревне не пели.

Далее можно привести цитату из того же опрошенного из его ювенальных реминисценций. Это сороковые годы двадцатого века, послевоенные годы.

Все храмы поблизости закрыли. В нашем селе на кладбище, в местечке Липень храм закрыли, переделали под клуб. Остался один храм далеко, на старом кладбище в лесу, в деревне Кобылянке. По праздникам в этот храм приезжал батюшка и служил Литургию. Особенно много людей собиралось в этот единственный храм на Пасху. Приходили и взрослые и дети. Мы детьми стояли на ночной Пасхальной службе, потом уходили в притвор и засыпали на соломе. Радостный этот был сон и крепкий по звуку пасхальных молитв. Потом и этот храм закрыли. Батюшка уехал на Украину. А люди стали праздновать пасху дома.

Опрошенный нами человек родился и жил основную часть своей жизни в СССР. В жизненных повествованиях советская реальность воспринимается в большей степени негативно всеми респондентами. В данной таб.1 отображается жизненный мир респондента в советский период, на основе актантной схемы:

Таб.1 Актанты нарратива (The actants of the narrative)

Актанты биографического нарратива	«Сельские жители»
Субъект / объект	Рассказчик / Духовная жизнь
Помощник / противник	Храм, религиозные артефакты, фольклор / советская власть
Адресант / адресат	Родители, бабушки / сохранение религиозной традиции

Рис. 1 Условная схема для сельских жителей СССР в актантном подходе (Scheme for rural residents of the USSR in the actant approach)

Субъектом рассказа в данном случае является нарратор, который рассказывает нарратив о себе. Специфика актанта-объекта, к получению которого направлен субъект, самым непосред-

ственным образом связан с бинарной оппозицией религиозного и секулярного.

Объект «духовная жизнь» в случае с жителями села конкретно влечет за собой религиозность, в данном случае – церковную веру. С этой целью

акант-объект следует поместить в непосредственный контакт с актантом-адресантом. Однако им как раз является трансляция православной традиции, что исходило от предков. То есть «жить духовной жизнью», «сохранить традиционную веру родителей» – вот что проглядывает в жизненных повествованиях соответствующих респондентов: «Мне мама сказала: “В какой вере родилась, в такой и умирай, никогда не меняй Православие”».

Следующий опрошенный (двадцать восьмого года рождения) пережила советскую эпоху, будучи верующей. Прямо и непосредственно она не была репрессирована в связи с религией, однако она четко проявляет ситуацию советской геттоизации религии.

– Скажите, вы с детства верующая?

– Я с детства верующая...

– А у вас колядовали на Рождество?

– Ну вот это колядовали ... А вот когда мы пошли уже в пятый класс, я пошла. В семилетнюю школу, нас очень ругали, вызывал директор к себе, ругал за то, что мы колядовали. Потому что наша деревня как-то была далековата от центра этого, центра колхоза. То у нас очень праздновали божественные эти духовные праздники. И вот когда мы ходили колядовали, потом мы пришли после каникул в школу. И нас сразу же вызвали всю нашу деревню к директору, и директор нас там сильно ругал, что мы вот как будто бы верующие, ну что праздновали этот праздник... А потом нас разрисовали в стенгазету, все смеялись, вся школа, что мы ходили с такими сумочками, ну торбочки такие полотняные были раньше. И мы ходили по хатам, колядовали, и нам что-то давали, как будто бы мы были какие-то побиралки, нищие какие. Сделали нас такими смешными в общем. И нас вся школа смеялась.

– Обидно было?

– Ну как обидно... Мы дрались с ними тогда...

В юных годах опрошенная мигрировала в город из сельской местности и стала отдаляться от ранней церковной веры поддавшись воздействию секулярного окружения.

– А потом перестала ходить. Перестала ходить и забыла молитвы. Вот как бабушка тогда меня учила...

– А вы учились в Минске или работали?

– Я работала. Я пошла работать.

– И как на работе знали, что вы верующая?

– Ну как, меня не знали, что я верующая. И я не сильно говорила, потому что я сама плохо знала все. У меня ни книг не было, ни Евангелия не было ничего. Я молилась: начинала Отче наш, а заканчивала Богородице, все у меня шло все как-то

вместе. Не очень знали на работе, на работе меня не трогали никто.

– Но вам приходилось скрывать как-то на работе?

– Ну, просто молодежь смеялась, что я темная, отсталая...

– А вот на работе не ругали?

– Не, не ругали на работе. А я им и не говорила.

... И потом, только однажды к нам участковый зашел в дом, а у меня мамины иконы висели. Я забрала мамины иконы, когда мама переехала ко мне. Он пришел и сразу обратил внимание на эти иконы, и сказал сразу: “Кто у вас верующий?”. А я говорю: “Ну как верующий, я ничего не знаю, не понимаю, я может и верила, но я не знаю. А вот иконочки, кто молится иконам? А это, говорю, мамины иконы, и я их выбрасывать не буду. Это мама верила, это мамина память, и я ее не выброшу.”

Позднее в эпоху нового мышления опрошенная очень быстро вновь воцерковилась и обратилась к религии.

И когда я пришла в Кафедральный собор, тут уже Воскресная школа была, вот это мы начинали ходить. В общем пошла церковная жизнь. И когда построили, не построили, а отдали нам, православным, Петропавловский собор, он был тогда киноархивом. То отец Георгий перешел туда настоятелем и забрал нас туда, и мы перешли с ним туда в Петропавловский собор... Так мы в этом Петропавловском соборе ходили на службы, это наш родной храм стал.

В период СССР в малых населенных пунктах, деревнях и селах можно зафиксировать изолированные точки сохранения религиозных традиций. Эти традиции соблюдались в детстве. Можно привести воспоминания жителя из чувашского села Самарской области, о том, как религиозные представления, заложенные в детстве:

– Вы с детства ходите в церковь?

– С детства я бывал. Тетка меня на коляске возила за 12 км. А потом оборвалось оно.

– А потом вы не ходили, да?

– Я хотел. Я же верующим был. И во время войны, в 42-м году в особенности, когда поехал на фронт. Но потом лет 15 нет. Ну у меня мать не хотела. Говорит: “Работаешь, пашешь, а ночью молишься”. И она запретила мне. Вот. Это оборвало у меня.

– А в советское время вы в церковь не ходили, да?

– До 37 года ходил, возила меня тетя Наташа.

– А потом, когда студентом были?

– А потом студентом не был (в храме не был), только случайно заглянул, там знатные церкви Самары были. Там от нас, где мы на Самарской

улице жили, там недалеко было. Хорошие церкви, сильные. Хозяйка верующая была наша, у кого мы квартировались студенты. И все. В общем отколотся, особенно когда в 53 году в комсомол поступил вот.

— Но вы сами были верующим?

— Я был да. Я Евангелие читал, молитвы знал. Только на родном языке. Десяток молитв я знал, даже до сих пор сохранились.

— На каком языке?

— На своем родном, на чувашском. Хорошим каллиграфическим старательно писал. Полина хранила их. Вот так... Мою тетку, тетку Наташу, преследовали, да...

Она была православной. Она не хотела в колхоз раз, она ни на какие мероприятия не ходила, на выборы не ходила. Выборы она убежала, ее искали. Не находили. Если нашли, то силком приводили на выборы. бывали же выборы в сельсовете выборы.

— К ней милиция приходила или в суд ее?

— Ну там представители власти да. Милиции я не помню. Представители власти как антиколхозницу, единоличницу.

Но как верующую ее не преследовали? За веру ее не преследовали?

— Да за все, наверное. За то, что кулацкая дочка, родители кулаки. Под титулом кулакова ее вы проводили как карогандильский лагерь тут вот в Казахстане. Они там сгинули они в общем.

— А вы когда стали постоянно посещать церковь?

— Это было в Белоруссии было. В Минске. Как наступила перестройка. Вот с чем связано. Свободу дали. Но мы до перестройки детей крестили да.

Следующее интервью дала женщина восьмидесяти семи лет, родом с Поволжья из Самарской области.

— Ну, а на работе знали, что Вы были верующей?

— Знали, знали.

— И начальство знало?

— Да.

— И как они относились к этому?

— Нормально. Ну, это же я тогда училась, не работала.

— Ну, вот Вы пошли работать, было, наверное, еще сталинское время. Всё равно знали, что Вы верующая? Соседки по общежитию знали, что Вы ходите в храм?

— Тогда мы все бегали в храм во время перемен (прим.: учебных перемен)...

— В сорок восьмом поступили.

— Аааа... пишут сорок восьмой.

— Так написали?

— Да, а потом направили в Курганское облоно.

— В Кургане были?

— Да. А Курганское облоно направило в город Куртамыш, это в Курганской области. Педучилище там было, два отделения: школьное и физ-

культурное отделения. Я работала в физкультурном отделении. Преподавала.

— Там тоже храма не было?

— Там был храм.

— Работал?

— Работал. Прямо перед нашим зданием училища храм был. Мы забегали. Так на службу не ходили: нельзя было нам, танцы устраивали.

— Как-то окружающая обстановка не способствовала этому всему?

— Ничего так-то.

— Но девочки ходили?

— Ходили, были. Не всегда, не постоянно.

— А кто, как Вам показалось, кто обычно посещал храм в те годы?

— Ну, посещали верующие, конечно.

— А как их возраст, положение в обществе какое было? Работали они где? Или это в основном были пенсионеры?

— Ходили пенсионеры. Молодежи мало было. Кто веровал, тот ходил.

— А так не очень?

— Нет. В то время. Всего одна церковь была в Куртамыше. А сейчас я не знаю, городом назывался.

— Он был городом, да?

— Город Куртамыш в Курганской области.

Несколько позже отвечающая выпустилась из высшего учебного заведения педагогической направленности. Она не стала учителем в школе, а работала специалистом по лечебной физкультуре в поселке Серноводске на курорте «Сергиевские минеральные воды».

Последующий респондент родился в семидесятых годах прошлого века. В интервью она помнит, как отмечали Пасху ее отец и мать, а также и она, будучи ребенком в СССР.

В советское время, в мое детство 80-х годах, к Пасхе наша семья, семья тети красили яйца и пекли куличи. Особенно вкусные куличи получались у тети. На Пасху в храм шли освящать красные яйца и куличи, потом был праздничный обед и шли в парк, где проходили народные гуляния. Особенно запомнилось праздничное приподнятое настроение, которое было у людей. Все были нарядно одетые и радостные.

Особенных знаний о празднике Пасхи не было, но народные традиции сохранялись. Например, смотрели как на Пасху «играет солнце» рано утром, умывались водой, в которой плавало красное яйцо, чтобы быть красивыми и т.д.

Празднуя Пасху люди, вслух не говорили о празднике. Сорокадневного поста многие люди естественно не держали, но Пасху не забывали.

Таким образом, можно видеть, что религиозные обычаи и традиции продолжали составлять важный элемент культуры народа. Воздействие

секуляризационных процессов воспринималось в рамках актантной схемы как требующее противодействия актора. Что формировало изолированные очаги сохранения традиций в локальных зонах. Как определенный первичный результат рассмотрения данных биографий можно подчеркнуть, что советская секуляризация, направленная на вытеснение религии не только из социального пространства, но и из сознания людей, натолкнулась на противодействие. В частности в среде «сельских жителей». То есть жизненный мир тех, кто в молодом возрасте был религиозным, формировал потребность во внешних проявлениях, что осуществить на практике было весьма непросто. Несмотря на это, обычаи и традиции, центральными из которых были главные религиозные праздники, которые продолжали фундировать жизненный мир людей особенно в сельской местности.

Присущий индивидууму жизненный мир содержит в себе мировоззрение, становящееся в данном случае актантом-объектом, целью же действия – свобода от господствующей официальной идеологии. Неосознанно актанты стремились к формированию такого мировоззрения внутри советской реальности. При этом основной движущей силой и мотивом (адресантом) субъекта становилась неудовлетворенность контемпоральной имманентной рамкой. Как видим, сельские жители, и выходцы из провинции стремились обычно по-возможности не сталкиваться с ней.

А. Юрчак, не соглашающийся с концепциями «лицедейства», замечает, что в период позднего социализма граждане СССР находились в пространстве так называемой внаходимости – то есть были одновременно внутри идеологического дискурса, и в то же время вне его. Внутри, так как воспроизводили идеологически «правиль-

ные» действия и суждения по форме, а не по содержанию, поскольку содержание стало утрачивать свой смысл вообще из-за своего перенасыщения номинативными суждениями, «кочующими» из текста в текст, пристальное внимание к которым, даже могло становиться причиной недовольства со стороны руководства. Важно было поддерживать видимость, и эта важность осознавалась именно на уровне формального «ритуала». Тогда на уровне «сознания» появилось определенное пространство свободы, которое заполнялось «античной историей и иностранной литературой, досоветской архитектурой и поэзией Серебряного века, теоретической физикой и ботаникой, археологией и западной рок-музыкой, буддистской философией и православной религией, туристскими походами и альпинизмом» [7, с. 301].

Основное условие – дабы эта территория независимости не была явно «антисоветским», то есть идущей наперекор идеологическим установкам. В границах «территории независимости» для сельских жителей существовали, как нами показано, религиозные обычаи и традиции. Проиллюстрировать это можно и отражением в советской культуре не только в экранизациях классических произведений (напр. «Вечера на хуторе близ Диканьки (1961)»), но и в документальных съемках жизни советской деревни (напр. Полесские колядки (1972) СССР, Беларусьфильм). Между тем, как показали биографии, для многих, как и для опрошенных респондентов, религиозные обычаи и традиции стали основой для будущего возрождения религиозности традиционного типа. Определяющим фактором высокой роли традиционных религий в отечественной десекуляризации последних десятилетий стала близость их к народной культуре, к народным обычаям и традициям.

1. Дивисенко К.С. Опыт структурно-семантического анализа автобиографического нарратива // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2013. № 36. С. 94 – 112.
2. Евстигнеева Н.В., Оберемко О.А. Модели анализа нарратива // Человек. Сообщество. Управление. 2007. №4. С. 95 – 107.
3. Степанова Е.А. Советский атеизм в контексте множественной модерности // Научный ежегодник ИФП УрО РАН. 2014. №2. С.67-82
4. Цыплаков Д.А., Цыплакова С.М. Земное и небесное: этапы секуляризации русской духовной музыки // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 5-4. С. 204 – 207
5. Франк С.Л. Духовные основы общества. М., Республика, 1992. 511 с.
6. Шютц А. Методология социальных наук // Шютц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом / пер. с нем. и англ. М., «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. 1056 с.
7. Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М., Новое литературное обозрение, 2014. 664 с.

8. Ch. Taylor. A Secular Age. Harvard University Press, Massachusetts; London, 2007. P. 543.

RELIGION TRADITIONS IN COUNTRYSIDE IN USSR

© 2019 D.A. Tsyplakov¹, S.M. Tsyplakova²

Dmitriy A. Tsyplakov, Ph.D. in Philosophy, Associate Professor. E-mail: tsypl@ngs.ru

Svetlana M. Tsyplakova, Candidate of Cultural Studies, Associate Professor of the Department of Librarianship and Socio-Cultural Activities. E-mail: nikitinats@yandex.ru

¹Novosibirsk Orthodox Seminary. Novosibirsk, Russia

²Novosibirsk State Pedagogical University. Novosibirsk, Russia

The nowadays of religious situation of the society in the context of religious culture was the result of Soviet secularization. Nevertheless, diachronically religion remained and remains an element of the structure of the space of popular traditions. Taking into account this aspect is inevitable when explicating cultural patterns in religious studies, sociological and historical research works. This paper shows how traditional religious customs and traditions existed in the sphere of the immanent framework of secular Soviet culture mainly in rural areas (Belarus and the Samara region). The publication examines the structure of the life world of Soviet people, based on the analysis of biographies. An important point in the modern history of our country has become the return of religion to the life world of society. At the same time, the traditional religions in this return relied on folk customs and traditions preserved during the period of Soviet secularization.

Keywords: secularization, religious structures of life-world, traditions of soviet people.

1. Divisenko K.S. Opy`t strukturno-semanticheskogo analiza avtobiograficheskogo narrativa (Experience of structural and semantic analysis of autobiographical narrative). *Sociologiya: metodologiya, metody, matematicheskoe modelirovanie*. 2013. № 36. S. 94 – 112.
2. Evstigneeva N.V., Oberemko O.A. Modeli analiza narrativa (Models of narrative analysis). *Chelovek. Soobshhestvo. Upravlenie*. 2007. №4. S. 95 – 107.
3. Stepanova E.A. Sovetskij ateizm v kontekste mnozhestvennoj modernosti (Soviet atheism in the context of multiple modernity). *Nauchny`j ezhegodnik IFiP UrO RAN*. 2014. №2. S.67 – 82.
4. Cyplakov D.A., Cyplakova S.M. Zemnoe i nebesnoe: e`tapy` sekulyarizacii russkoj duxovnoj muzy`ki (The earthly and the heavenly phases of the secularization of Russian spiritual music). *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul`turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy` teorii i praktiki*. 2011. № 5-4. S. 204 – 207.
5. Frank S.L. Duxovny`e osnovy` obshhestva (Spiritual foundations of society). M., Respublika, 1992. 511 s.
6. Shyutcz A. Metodologiya social`ny`x nauk (Methodology of social Sciences). *Shyutcz A. Izbrannoe: Mir, svetyashhijsya smy`slo / per. s nem. i angl. M., «Rossijskaya politicheskaya e`nciklopediya» (ROSSPE`N)*, 2004. 1056 s.
7. Yurchak A. E`to by`lo navsegda, poka ne konchilos`. Poslednee sovetskoe pokolenie (It was forever until it was over. The last Soviet generation). M., Novoe literaturnoe obozrenie, 2014. 664 s.
8. Ch. Taylor. A Secular Age. Harvard University Press, Massachusetts; London, 2007. P. 543.